

[От лица Адама]

После долгих дней путешествия без отдыха я прибыл в Магнолию, когда над ней только-только забрезжил рассвет.

Город только начал оживать вокруг меня.

Владельцы магазинов устанавливали свои прилавки на весь оставшийся день, дети бегали по каменистым улицам, смеялись и играли, а воздух наполнял легкий гул утренней активности.

Не теряя времени, я двинулся через город к опушке леса, глубоко вздохнул, когда вошел в него, позволяя свежему аромату сосны и земли наполнить мои легкие, пока я шел по извилистой тропинке, ведущей к дому Полюшки.

Пройдя некоторое время, я, наконец, добрался до той части леса, где находился дом Полюшки. Старушка жила глубоко в лесу, вдали от городской суеты, да и вообще от кого бы то ни было.

По мере того, как я пробирался сквозь деревья, звуки города начали стихать, сменившись тихим шелестом листьев и щебетанием птиц. Тропинка, как и ожидалось, была заросшей и узкой, но достаточно открытой, чтобы большинство людей могли легко по ней передвигаться.

Наконец, после нескольких часов ходьбы, возможно, потому что я не спал два дня, поэтому шёл быстро, я пришел на поляну, где стоял дом Полюшки.

Скромное жилище, покрытое зеленью, которое на первый взгляд легко было спутать с одним из деревьев, растущих вокруг леса, поскольку основой для его строительства послужило одно из них.

Дом, как всегда, источал атмосферу таинственности, которая была довольно безошибочной.

Улыбаясь при виде ее дома, я шагнул вперед, звук моих шагов эхом разносился по поляне. Дойдя до двери, я поднял руку, чтобы постучать в нее, но не успел — дверь распахнулась, явив передо мной старую женщину.

— Ну тебя и потрепало, — сказала Полюшка, ее голос был глубоким и гравийным. — Заходи-заходи.

Я...

Я слишком устал, чтобы придумать ответ.

— Я достал всё, что нужно, — ответил я и шагнул в ее дом, заметив, что в воздухе витает аромат трав и зелий, пронизывающий все вокруг.

Полюшка шагала впереди меня, приглашая следовать за ней. Мы подошли к небольшому деревянному столику с двумя стульями. Она жестом предложила мне присесть, достала из кармана халата глиняный чайник и наполнила фарфоровую чашку горячим чаем.

Сделав глубокий вдох, я опустился в кресло, скрестив руки, и выпустил длинный зев.

— Гилдартс прибыл две недели назад со своей частью списка, — сказала Полюшка, когда я осторожно поднёс к губам изящную фарфоровую чашку с чаем, которую она мне подала.

Ромашковый.

Кажется, она пыталась усыпить меня.

Вздыхнув, я подняла глаза от чашки с дымящимся чаем, в воздухе витал сладкий аромат ванили, и я ответил: — Я никогда не сомневался, что он закончит свою часть раньше меня. Как там Корделия?

— Совсем поплохела, но всё ещё жива, — ответила Полюшка, коротко и по существу.

Улыбаясь тому, что она все еще жива, и это путешествие не прошло даром, я поставил свою чашку чая на потертый деревянный стол и поправил ремни сумки, прежде чем передать ее Полюшке: — Все внутри.

Взяв пакет, она заглянула внутрь и сосредоточенно нахмурилась, изучая различные ингредиенты, которые я собрал.

При этом лицо Полюшки скривилось в слабой улыбке: — Хорошо, с этим я могу начать работать, — сказала она. Ее неподобающе теплое отношение ко мне давало понять, что мне каким-то образом удалось превзойти ее ожидания.

Взяв со стола свой напиток, я сделал щедрый глоток, а затем перевел взгляд на нее с вопросительным тоном: — Как думаешь, ты преуспеешь? — спросил я, в моем голосе звучала неуверенность.

Полюшка стояла в тишине, ее пальцы постукивали по столу, пока она обдумывала свой ответ: — Даже и говорить не стоит, что я создаю тело человека впервые, мальчишка, — наконец сказала она с усталым вздохом. — Знание, которое ты мне дал, понятно, но сложно.

Это был не ответ.

— И? — спросил я снова.

Взгляд Полюшки был тяжелым от раздумий, когда она медленно повернулась ко мне лицом: — Я думаю, что шанс довольно высок, — сказала она, ее голос был мягким, но твердым. — Но, как и всё в медицине, ничего нельзя сказать наверняка, пока это не произойдет.

Думаю, это лучший ответ, который я получу.

Глубоко вздохнув, я допил чай и с лёгком звоном поставил чашку на стол: — Хорошо. Теперь я пойду домой, чтобы отдохнуть. Если тебе понадобится что-нибудь еще, не стесняйся, обращайся.

Суровое выражение лица Полюшки смягчилось, а морщины стали глубже: — Хорошо, я уже собиралась взять метлу, чтобы вымести тебя из моего дома! — проворчала она, но в ее голосе прозвучал намек на ласку.

Кажется, я наконец-то ее понимаю. При всей своей сварливости она была не более чем самой старой цундере в Хвосте Феи.

<http://tl.rulate.ru/book/84296/2814661>